

DOI: 10.46698/j3271-1592-2097-c

СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА ЗИМЫ КАК ЭЛЕМЕНТА КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ВРЕМЕНА ГОДА» В НАРТОВСКОМ ЭПОСЕ И ШАХНАМЕ НА ОСНОВЕ КЛАССИФИКАЦИИ Н. ФРАЯ

**М. Моради
И.Д. Левчин**

В статье рассмотрен Нартовский эпос как главный мифический эпос осетинского народа — миф, смешанный с фольклорными элементами. Исследовано, что осетинский Нартовский эпос, как и все эпические произведения, наделен такими элементами и образами, как прославленные богатыри, враги этих богатырей, гиперболические сказочные рождения, меднотелые неуязвимые герои, рукопашные бои, и такими сказочными символами, как уаиги, пери и т. п. Среди мифических мотивов были найдены сходства в некоторых событиях иранского эпоса «Шахнаме» Фирдоуси и осетинском нартовском эпосе, связанные с мотивом снега. Проанализированы безвыходные положения героев в грозном снегу в результате колдовства Бармана на войне с туранским войском в эпоху правления Кей-Хосрова, описанные в Шахнаме, и рассказы «Безымянный сын Урызмага», «Битва Урызмага и Кривого Уаига» и «Сослан и сыновья Тара» из осетинского Нартовского эпоса.

Ключевые слова: миф, эпос, осетинские Нартские сказания, Шахнаме, времена года, концепт зимы.

Нартовский эпос как главный мифический эпос осетинского народа — миф, смешанный с фольклорными знаками. Осетинский Нартовский эпос, как и все эпические произведения, наделен такими элементами и образами, как прославленные богатыри, враги этих богатырей, гиперболические сказочные рождения, меднотелые неуязвимые герои, рукопашные бои, и такими сказочными символами, как уаиги, пери и т. п. Среди мифических мотивов найдены сходства в некоторых событиях Шахнаме Фирдоуси и осетинском Нартовском эпосе, связанные с концептом зимы, в особенности с концептом снега. Например, в Шахнаме — это безвыходные положения героев в грозном снегу в результате колдовства Бармана на войне с туранским войском в эпоху правления Кей-Хосрова.

Концепты времен года, зимы и снега исследовались Х. Афрасияби и С. Момбейни [1], А. Н. Афанасьевым, Е. Петровской, М. Н. Эпштейном и т. п. Среди работ, посвященных сравнительному анализу и исследованию осетинского Нартовского эпоса и Шахнаме, следует отметить труды таких исследователей, как М. Абдоллахи [2], Л. Р. Пуховой [3], Ю. А. Дзиццойты [4] и др.

Слово «зима», например, у народов Западной Европы, связано с мотивами гибели, смерти; снег ассоциируется с сединой, старостью, умиранием. Такие ассоциации отнюдь не чужды и носителям русского языка. Враждебность холода и мороза по отношению к человеку можем увидеть, например, у Н. А. Некрасова, да и у самого А. С. Пушкина: «Иль чума меня подцепит, / Иль мороз окостенит» [5, 78].

Исследованию архаической символики славянских народов посвящены также работы А. Н. Афанасьева, Н. Н. Велецкой, Л. Н. Виноградской, В. В. Иванова, В. Н. Топорова, В. Я. Проппа. По мнению исследователей, год у древних делился на две половины: зиму и лето. Начинался год с марта, так как с этой поры, по представлению древних славян, природа пробуждается от мертвого сна жизни, и светлые боги приступают к созиданию благодатного царства. <...> Зима у славян — это старуха, вредная, злая, хотя иногда она может и миловать [6, 11].

Исследователь Т. В. Салашник также отмечает, что понятийный слой концептов времен года содержит меньшее количество религиозных компонентов. В наивном дефинировании носителей русского языка они встречаются лишь при толковании времени года «зима» (Празднование Крещения, Рождества) [6, 10]. Зима — это время в народном календаре после смерти и до возрождения природы, время, которое не явлено в человеческой жизни, но присутствует в жизни природы. Например, поэт А. Фет создает образ зимы на основе общеславянских традиций. Это время года выражает художественные представления о небытии, о мире ином в его отношении к цветущему земному бытию. Зимнее царство изображается с опорой на народные представления о мире мертвых, об ином мире. Так же как и в народной культуре, фетовская зима изображается тождественной отрезку человеческой жизни — старости и смерти [6, 12].

Неестественные символы Шахнаме воплощаются в героических действиях разными формами. К числу сверхъестественных концептов в Шахнаме и Нартовском эпосе можно отнести попадание в страшный и грозный снег в ре-

зультате волшебства Бармана в битве с туранами в эпоху Кей-Хосрова. Царь Кей Хосров в последнюю ночь своей жизни, проводя время с иранскими богатырями рядом с источником, говорит им, что этой ночью они будут вместе, а завтра его уже больше не будет на свете. После его гибели, подул шумный и тяжелый ветер и пошел сильный снег, вследствие чего все богатыри застряли в снегу [7, 53-129].

Следует отметить, что эти же концепты зимы и снегабытует и в осетинском Нартовском эпосе. В рассказе возвращения безымянного сына Урызмага из страны мертвых, когда он в образе маленького дерзкого всадника подъезжает к древнему дому Ахсартагата и громко зовет хозяев и приглашает Урызмага отправиться с ним в поход. Шатана, опасаясь за жизнь мужа, когда начал дуть ветер, испекла три заветные медовые лепешки и молилась над ними: «Бог богов, мой бог! <¼> Пошли сегодня ночью на землю те снега и дожди, которые предназначены тобою на будущие семь лет. Подымивихри и ураганы. И надеюсь я, что этот дерзкий мальчишка, достойный гибели, найдет ее в эту ночь, а старик наш останется дома» [8, 43]. Увы, она не знает, что своими проклятиями доведет своего собственного сына до изнеможения, и погибнет он из-за колдовства своей матери.

В Шахнаме в снежную бурю попали и сыновья Фаридуна в результате колдовства царя Йемена, а также иранские войска под руководством Гива в эпоху Кей-Хосрова на войне с туранскими врагами и с Афрасиабом из-за колдовства туранского колдуна, который погибает после того, как сын Гударза Рохам отрубил ему руку [9, 53].

Концепт зимы и снега в осетинском Нартовском эпосе наблюдается в трех эпизодах:

1) В рассказе о безымянном сыне Урызмага, невольно убитого мечом самого богатыря и попавшего в страну мертвых, безымянный сын Урызмага с позволения Барастыра, правителя страны мертвых, чтобы увидиться с родителями и попросить у них подаяние (для поминания умершего), отправляется на встречу с ними. И в образе молодого дерзкого всадника подъезжает к древнему дому Ахсартагата, громко зовет хозяина и приглашает Урызмага отправиться с ним в поход. Шатана, жена Урызмага, страшась незнакомого молодого человека, читает волшебную молитву, и начинает падать грозный снег над Урызмагом и его безымянным сыном.

2) В рассказе «Битве Урызмага и Кривого Уаига» между нартами происходит спор о том, кто среди них самый лучший. Кармагон, мудрая старушка, называет самой лучшей нартовой женщиной Шатану, а самого лучшего мужчину — Урызмага. Сердясь от недовольства, нарты ругаются с Кармагон, выгоняют ее из Нихаса, места собрания и совещания нартов. Кармагон печет три медовых пирога, заклинает, чтобы на нартов выпал доселе никем невиданный снег.

3) В рассказе «Сослан и сыновья Тара» суровую зиму переживает Страна нартов. Из-за изобильного снега трудно становится находить пастбища, скот страдает от голода.

В мифологии отслеживается классификация Н. Фрая, основанная на четырех составляющих. Классификация времен года на четыре сезона — показатели четырех временных отрезков: 1) день (утро, полдень, вечер — послеполуденное время, ночь); 2) четыре водных потока: дождь, источник, река, море или снег); 3) четыре периода жизни (отрочество, совершеннолетие, старость, смерть). Об этом пишет Э. Стотт:

«Книга Н. Фрая «Об анатомии критики» (1957), основываясь на совокупности архетипов, связанных с четырьмя временами года, опирается на идеи о том, что «основная форма мифического процесса представляет собой вращающееся движение и очередность удачи и поражения, старания и отступления, жизни и смерти», иными словами, «человек своей литературной фантазией созидает воображаемый и обитаемый мир, сформированный из моделей жизни и смерти, что соответствует идее сезонного возрождения в повествовании» [10, 290].

Однако концептосфера времен года «весна, лето, осень, зима» О. Шпенглера, хоть и основывается на классификации Н. Фрая, имеет свои отличия: весну О. Шпенглер называет комедией и периодом возрождения, веселья; лето — романсом и эпохой вершины и силы; осень — трагедией и периодом заката и бессилия; а зиму — сатирой и периодом исчезновения, смерти [10, 291-292]. Осень и зима сопровождаются опытом.

Каждые два сезона охватывают важную разновидность литературы и искусства, и в то же время могут оказываться в противном положении или в прямом отношении с другими двумя сезонами. С одной стороны находятся весна и лето, с другой стороны — осень и зима. Первая двойная — весна и лето — двигаются вверх; это природный цикл, мир романса и аналогия безгрешности, вторая двойная — осень и зима, мир реализма и аналогия опыта. Зима, находясь в самом низком месте сезонов, по мифологии связана с издевательством, насмешкой, сатирой. Сатира с одной стороны относится к трагедии, а с другой стороны к комедии, как и зима к концу года. Издевательство или насмешка также является концом литературного и художественного

периода. Таким образом, зима обозначает смерть, ночь и конец какого-либо литературного направления и периода. В свою очередь, сатира — самая беспристрастная разновидность, связанная с реализмом. Зима делится на шесть внутренних этапов:

Первый этап: общество останется таковым, как оно есть (удерживая равновесие с комедией и сочетаясь с напрасностью, пустотой и неподвижностью).

Второй этап: критика без надежды на изменения в обществе (связана с критикой и сарказмом).

Третий этап: происходит преобразование, формируется радостное общество (данный этап — время опыта и изменения, образуется новое общество, что может привести к деградации человека или убийству героя).

Четвертый этап: ошибка героя и людей общества приводит к закату общества (это отражение сатиры, когда ошибка человека сталкивает его с новыми обстоятельствами, а общество действует согласно нравственным беспристрастным ценностям в соответствии с трагедией).

Пятый этап: общество и его члены покоряются всемогущей судьбе и природе (этап фатализма, соотносящегося с трагедией, и судьба в конце одерживает победу над человеком и обществом).

Шестой этап: тревога, удушье и страх охватывает общество (уравновешиваясь с трагедией, а жизнь человека можно сравнить с тюрьмой, от которой нет спасения; мир этого этапа отражает власть деспотии и диктатуры) [10, 303-306].

В первом рассказе вследствие неурожая в Стране нартов и разврата, охватившего эту страну из-за жены лукавого и нелюбимого Сирдона, Шатана решает накормить и утолить

жажду нартов благодаря запасам и готовит пир. Урызмаг отправляется во двор, чтобы наколоть дрова. Черный орел слетает с Черной Горы, хватая его своими когтями, уносит и опускается посреди моря на одиночную скалу. Урызмаг видит под водой из-под большой подводной скалы свет и опускается в воду, где встречает своих родственников донбеттыров. Затем встречает мальчика и всем сердцем привязывается к нему, совершают жертвоприношение. Согласно обычаям нартов Урызмаг поднимает на своем мече кусок мяса, предназначенный богу, возносит молитву, после чего обращается ласково к мальчику, чтобы тот его попробовал. Держа мясо на острие меча, Урызмаг протягивает его мальчику. Игривый мальчуган быстро подбегает, но неожиданно спотыкается и падает на меч, который пронзает его сердце. Улетает прочь младенческая его душа. Выходит Урызмаг из воды, огромный черный орел хватая его своими когтями и опускает туда, откуда унес. Наколов дрова, Урызмаг рассказывает Шатане о том, что с ним случилось. Шатана, услышав рассказ Урызмага, хватая себя за волосы и горестно причитает, открывая правду, что это ее сын от Урызмага и что хранила она его в родительском доме как скрытое сокровище. Урызмаг от печали и тоски отстраняется от людей [8, 35-40].

Первый рассказ можно сопоставить с этапами зимы от первого до пятого. Первый этап: неподвижность общества нартов, их разврат из-за голода и позорных поступков жены Сырдона. Второй этап: критика Урызмага без надежды на изменение, его разговор по душам с Шатаной. Третий этап: перемена и спасение нартов от голода и беды благодаря предложению Шатаны и при-

готовлению ею пира, непредсказуемое путешествие Урызмага в море и гостевание у донбеттыров, его встреча с сыном, послужившая причиной его радости.

Четвертый этап: ошибка Урызмага в держании мяса на острие меча перед своим сыном создает предпосылки для убийства сына. И пятый этап: сын Урызмага умирает от рук отца, не ведая друг о друге, и судьба вершит свой приговор!

В первом рассказе «Урызмаг и кривой уаиг» нарты вступают в спор о том, кто среди них самый лучший. Кармагон, мудрая старушка, вначале подчеркивает, что наилучшего нартского мужчину и наилучшей нартской женщины она не видит среди них. Нарты настаивают на том, чтобы услышать ответ. Кармагон говорит: «Наилучший из мужчин — Урызмаг, а наилучшая из женщин — Шатана». Рассердившись, нарты обидными словами ругают Кармагон и прогоняют ее с Нихаса. Жалуется Урызмагу Шатана и рассказывает о происшествии. Раздосадованный Урызмаг идет навестить Кармагон и та говорит о случившемся: — Пусть несчастье будет уделом этих озорников, — сказала Кармагон. — Пришли они вчера ко мне, позвали меня на Нихас и стали там спрашивать: «Кто в селении нартов из мужчин наилучший и кто наилучшая из женщин?» И сказала я им: «Наилучший из мужчин Урызмаг, а из женщин наилучшая — Шатана». После этого они обругали меня и прогнали с Нихаса».

На другой день призывает глашатая Урызмаг и говорит: «Иди и прокричи, чтобы знали все три рода нартских: выследил я стадо на Черной горе, и пусть тот, кто настоящий мужчина, пойдет со мной за этой добычей. Да громче кричи, чтобы потом никто не ска-

зал, что не знал он об этом походе» [8, 53-54].

Глашатай так и поступает. А Урызмаг собирает молодежь всех трех нартских родов на Черной горе с собой за добычей. Кармагон же печет в эту ночь три медовые лепешки и проклинает: «Бог богов, мой бог! Пошли снега небывалые и спусти с гор свои вечные льды, чтобы поняли нартские хвастуны, кто из нартов наилучший мужчина» [8, 52-54].

Второй рассказ следует проанализировать путем мифологической методологии митуса — зимы: «первая стадия — общество застоя и неподвижности»: нартская молодежь собирается в Нихасе без Урызмага, между ними идет спор о том, какие мужчины и женщины самые лучшие из всех. Разговор безрезультатный. Даже ни на что не годный человек хвалится, что самый лучший. «Вторая стадия — критика без надежды на изменение»: признание Кармагон о том, что самый лучший из мужчин — Урызмаг, а самая лучшая из женщин — Шатана.

«Третья стадия — сложившееся преобразование в обществе», которое может быть интерпретировано как приглашение Урызмага всех трех нартских рода в поход за добычей на Черную Гору, на что способен только настоящий мужчина. Четвертая стадия заключается в ошибке нартов при сквернословии по отношению к Кармагон, сводившейся к пятой стадии, в которой общество и люди покоряются судьбе; нарты попадают в затруднительное положение, вследствие чего происходит застой нартского общества. Шестая стадия — период страха, испуга нартов, когда их охватывает снег, павший при колдовстве Кармагон на них: «А старая Кармагон спекла в эту ночь три медовые лепешки и стала молиться над ними: — Бог

богов, мой бог! Пошли снега небывалые и спусти с гор свои вечные льды, чтобы поняли нартские хвастуны, кто из нартов наилучший мужчина». И снег шел всю ночь. Такой выпал снег, что ни пройти, ни проехать» [8, 54].

В третьем рассказе «Сослан и сыновья Тара» переживает Страна нартов суровую зиму. Из-за большого количества снега скрыты все пастбища, и скот голодает. Нарты беспокоятся о своих лошадях. Первая стадия — застой и неподвижность общества в своей ситуации: «Собрались раз лучшие из нартов в большой Нартский Дом и стали думать, как бы спасти им своих коней и свой скот. И спросили они Урызмага: — Ты всюду бывал, знаешь все страны. Нет ли такой страны, где зимой не бывает снега?» Вторая стадия — критика и отсутствие стимула к изменениям. Урызмаг советует им выпасать свой скот на пастбищах страны сыновей Тара, там, где зимой нет снега, на берегу моря, и где круглый год колышутся густые шелковистые травы не ниже колен. Но вот беда: опасно гнать скот туда, поскольку у Тара есть два сына — Мукара и Бибыц, от которых им не убежать скот.

Третья стадия — общество, согласное с изменением: «Что делать? Иначе спасти скот мы не можем, — сказали старейшие нарты. — Мы погоним его в страну Тара. Но кто из нас будет так смел и отважен, что не побоится сыновей Тара?» Четвертая стадия — не ошибка, а хитрость антигероя рассказа — Сырдона ведет к тому, что все люди общества подверглись опасным изменениям: «Многих тогда называли нарты, но никто не соглашался гнать туда табуны и стада. И тогда решили нарты, что нужно бросить жребий — кому пасти скот на земле сыновей Тара? Взятся метать жребий лукавый Сыр-

дон. Вывернул он наизнанку свою шапку и бросил туда все жребии. Не любил Сырдон Сослана, спрятал он его жребий между двумя пальцами. Три раза делал он вид, что смешивает жребии, три раза опускал руку в шапку и три раза доставал он оттуда жребий Сослана» [8, 95].

Пятая стадия — общество и его люди сдаются судьбе: «Догадался Сослан, что нечестно поступил Сырдон, выхватил он свой меч и погнался за Сырдоном. Но только погнался, пришла ему в голову мысль: «А ведь если я ударю его, вся нартская молодежь, и юноши и девушки, скажут: «Позор Сослану, не надеется он на себя!» Пощадил Сослан Сырдона, покорился жребию, и что было делать ему? — согласился он гнать скот на пастбища сыновей Тара.

Шестая стадия — страх и испуг поражают общество: Сослан собирает все нартские стада и гонит их в страну сыновей Тара к Мукару. Сыновья Тара — Мукара и Бибыц — очень богатые, и нет нигде подобной их земли, и скот их неисчислимый. Дошла слава о стадах Сослана и до Мукары. «Много было под их властью людей, и далеко распространялась слава о сыновьях Тара. Однажды кто-то из людей, подвластных Мукару, подошел к его дому и крикнул: «Сын Тара, Мукара! На твоей земле пастется столько чужих табунов и стад, что я даже не смог их счесть!» Разгневался Мукара, сын Тара: «Что за глупец осмелился кричать возле моего дома? Небо не смеет греметь при звуке имени моего. Кто же из людей осмелится пригнать скот на мои пастбища?» Велел Мукара отрубить голову тому бедному человеку и на кол надеть ее [8, 96].

В других сказках мира мотив снега также ярко выражается. «Мифы о Плеядах» (Улькер, Мечин) тоже очень разнообразны. Их сюжетным ядром явля-

ется рассказ о некоем существе, управлявшем погодой и часто насылавшем холод и снег, отчего страдали домашние животные. Животные замыслили погубить его, когда он спал в теплой золе. Корова пыталась раздавить его, но демон выскользнул из-под его раздвоенного копыта и поднялся на небо, где превратился в созвездие. Он до сих пор насылает холодные зимы» [11, 158].

В иранской мифологии хранителями воды считаются Арвайсуре Анахита, Борз-Изад, Абан-Неф и Тишарта. Божество воды — один из ангелов под именем Амишасб Панд Хордад. Анахита — богиня воды, которой принадлежит особое место в правлениях Парса. С древних времен и даже до Зороастра обожествляют Анахиту и поклоняются ей. Пятая часть Авесты раскрывает признаки Анахиты на земле: «Первый раз упоминается об Анахите на каменных надписях Ахеменидов. У Анахиты была карета, запряженная четверкой белых лошадей под названиями: облако, дождь, град и снег. Она сверху облаков по приказу Ахурамазды, Бога иранцев при Зороастре, ниспосылала вниз дождь, снег и град» [12, 902].

По словам Н. В. Петрова «Противопоставления времен года в былинах, на первый взгляд, просто нет, благодаря чему фоном повествования является как бы «вечное лето» и «вечный день», что, впрочем, соответствует обычной гармоничности и идеальности эпической эпохи. С другой стороны, можно сравнивать его с отсутствием идеи измерения темпоральности в категориях аграрных циклов. А это в свою очередь может оказаться еще одним аргументом в пользу теории аристократического происхождения русского эпоса. Безусловно, в русском эпосе есть отдельные исключения из летней эпохи. Некоторых из них могут быть следствием

обобщенных наблюдений сказителей, живущих на Севере и хорошо знающих, что такое снег и зима [13, 393]. К этому можно отнести и эпизоды таяния снега:

Выпадали де снега да право, на горы,
Кабы эти-де снега да испотаели,
Протекли-пробежали дя ручьи грубыи.
А ле выпали-де ручейки на тихой Дон.

Н. В. Петров еще выдвигает гипотезу о связи снега с супружеской изменой в русских былинах. Рассказ о неверной жене описывается в «Иване Гоудиновиче», когда Иван возвращается с добытой женой в Киев:

Скоро молодцы те собираются,
А скорятовопое (зд) ку чинят,
Поехали к городу Чернигову,
А и только переехали быстрова Днепра,
Выпала пороха снегу белова...

Концепт зимы и снега в верованиях, мифах и эпосах мира можно отнести к преобразованию орудий работы, жизни и взглядов человечества на явления [7, 192]. Потребности сельского хозяйства в богатой почве, необходимом количестве воды и лучах солнца создавали предпосылки обращения людей к вере, просьбам о помощи у богов воды, солнца и сельского хозяйства, чтобы те поспособствовали уменьшению опасности в регионе земледелия.

Снег в иранской мифологии обладает двойственным характером: порой считается благополучным явлением с хорошей приметой, а порой был связан с холодом, отражая при этом трудные времена Ахримана (злого духа в зороастрийской религии — воплощения зла и мрака). В Авесте упоминается сильный снегопад и в Яштах (частях Авесты, представляющих собой гимны Ахура-Мазде и язатам) прогнозируется зима с дождем, градом, снегом и ветром, настолько ужасная, что разрушает землю и уничтожает все живые существа [14].

Обожествленный образ снега в иранских мифах соотносится с белым цветом: благоприятным божьим явлением, которое наделено светлыми качествами Ахура-Мазды, в противопоставлении с чернотой — символом зла, несчастья и дьявола, то есть темными качествами Ахримана. В преданиях снег встречается во время преодоления богатырями сложных препятствий и подвигов и является для них своего рода ритуалом очищения. Во время совершения последнего подвига, когда богатырь подходит к финалу битвы благодаря невероятным усилиям и стараниям, снова появляется снег, который символизирует ритуальное прохождение богатырем испытаний и избавление от черноты тела и загрязненности земного мира и служит предвестником чистоты и освобождения.

Например, ярко концепт зимы и снега представлен в рассказе об иранском царе Кей-Хосрове. Потому, когда ему удалось сразить в бою и убить туранского правителя Афрасиаба, Кей-Хосров неожиданно покидает царствование на пике славы своего правления, выбирает путь благочестия и аскетизма, оставляет мирские житейские заботы, чтобы еще при жизни найти дорогу к раю (тайному миру). Этот поиск Кей-Хосрова описан в Шахнаме, как он в сопровождении с другими прославленными богатырями добирается до горы. Кей-Хосров прощается с попутчиками и исчезает из виду среди снега и метели. Последнее единение Кей-Хосрова с миром, с грязным миром, связано со снегом, поскольку якобы белый снег символизирует границу между миром живых и загробным миром. Проходя сквозь снег, очищаясь в его белизне и скрываясь в нем, Кей-Хосров находит тот мир — духовный мир вечности [7].

Символические сверхъестественные концепты и действия иногда могут выступать в роли героя рассказа. В частности, иранский исследователь А. Седдики среди символических мотивов Шахнаме выделяет также и «попадание в сильную снежную метель» [9, 53]. Снежная метель служит предвестником злополучной, дурной концовки и неудачи. Поэтому, если рассмотреть этот символический и эпический иранский рассказ с точки зрения символизма, то Кей-Хосров спасается от темноты мира и черноты тела и достигает чистоты и света (белизны). Эта белизна является началом пути его последнего очищения и дорогой к Богу в таинственный мир вечности [15].

В одном из рассказов Шахнаме описывается, как Кей-Хосров в последнюю ночь сопровождения с иранскими богатырями недалеко от источника говорит им, что это последняя ночь, которую он проведет с ними, а завтра его больше не будет на свете: «После моего исчезновения подует сильный ветер и пойдет суровый снег, такой сильный, что все вы погрузнете в нем» [9, 129].

Как и предсказывал Царь, на следующую ночь он таинственно исчез и выпал сильный и обильный снег, в котором погрузли все богатыри [9, 145].

Но согласно рассказу из книги Шахнаме царь Кей-Хосров после шестидесяти лет своего правления молится Богу с просьбой, чтобы тот призывал его к себе. Через несколько недель ему снится ангел-вестник (известный в зороастрийской мифологии как Соруш), сообщающий о принятии его молитвы. Кей-Хосров передает престол Лохрасбу и предсказывает, что на горе будет дуть сильный ветер и идти суровый снег, которые обессилят богатырей в пути. Затем он прощается с богатырями и родственниками. Некоторые из богатырей

— Зал, Ростам и Гударз — сопровождают Кей-Хосрова до горы, откуда по просьбе Кей-Хосрова возвращаются обратно. Но другие богатыри — Тус, Гив, Бижан и Фариборз — не слушают царя и продолжают с ним путь. Вернувшись разочарованными после неудачного поиска Кей-Хосрова, богатыри, как и предсказывал царь, погибают в снегу.

В семи подвигах Исфандияра, после убийства Симорга (сказочной птицы) в пятом подвиге, Горгсара опьяняют тремя бокалами вина, а потом спрашивают его о следующем подвиге. Горгсар говорит: «Завтра тебя (Исфандияра) ждет большое испытание, в котором не сможешь воспользоваться луком и булавой. Выпадет сильный снег, и ты со своим войском будешь закопан под ним. Лучше тебе возвратиться» [16].

Иранские войска испуганы, требуют от Исфандияра вернуться, но тот говорит: «Мне не страшно. Если вы боитесь слов этого несчастного турка, тогда, зачем следуете за мной? Вы можете возвращаться, если вам хочется. Бог мне опора». Иранцы после извинений собираются в путь с Исфандияром после того как темнеет. Трое суток идет сильный снег и становится так холодно, что Исфандияр и его приятели изнемогают от мороза. Исфандияр говорит Пашутану: «Бесполезно применять силу на этом пути. Молитесь Богу, пусть это несчастье обойдет нас стороной». Все молятся и просят Бога им помочь. Вдруг начинает дуть приятный ветер, снег тает, становится прозрачно и чисто и все возвращается к своему нормальному состоянию [9, 145].

Во время войн иранцев с туранцами в эпоху правления Кей-Хосрова и под командованием Гива, туранский колдун Базур по приказу правителя Афрасиаба насылает заклинание, чтобы выпал сильный снег, вследствие чего гибнет много иранцев. Рохам поднима-

ется на гору, на которой Базур занимается колдовством, и, отрубая руку Базуру, уничтожает его и сводит колдовство на нет [9, 158-159].

Распространение и многогранность сюжетов осетинского эпоса можно наблюдать в течение их богатой истории. Нартские сказания художественно отражают большую историческую эпоху племенного индо-иранского (арийского) устройства и их единства до эпохи средневековья и феодализма. Поэтому в осетинском эпосе можно встретить мифы со всеми небесными и культурными героями, с древнейшими сюжетами битвы с фантастическими уаигами и соперничество удалых защитников народа в борьбе с иностранными захватчиками из других стран.

В ходе нашего исследования определено, что концепты зимы и снега в некоторых рассказах обоих эпосов — осетинских Нартских сказаний и — Шахнаме, основываются на модели Н. Фрая в раздробленности сезонов и в особенности в том, что касается концепта зимы. Концепт снега в иранском эпосе Шахнаме является воплощением чистоты и освобождения во время совершения богатырями подвигов и символом границы перехода из мира живых в загробный мир вечности. В Нартовском эпосе снег представлен больше в качестве преграды для героев, ниспосланной врагами, для преодоления трудностей и изменения судьбы. Следует также отметить, что отрицательная качественная оценка в большей мере свойственна Нартовскому эпосу и в меньшей — иранскому. В Шахнаме акцентируются смыслы неблагоприятного, неуместного времени, тоски, и положительные качества — очищения и перехода в новый мир; в осетинском Нартовском эпосе качественная оценка носит скорее отрицательный характер: зима наделяется ка-

чествами коварства, хитрости, препятствия, колдовства и зла.

В иранском и осетинском произведениях концепт снега как проявление зимы показывает неподвижное переменчивое общество, встречающее изменения и покоряющееся в конце концов

суровой судьбе. Иранские и осетинские сказки и эпосы любого характера со всем разнообразием героев и событий, битв и проявлений храбрости, указывают на общее происхождение, которое может быть связано с общим древним корнем иранцев и осетин.

1. افراسیابی، حسین. مُبینی، سجاد. تحلیل جامعه شناختی شعر «برف» نیما بر اساس آرای شریعتی و با تکیه بر مفهوم «غم»، مجله جامعه شناسی هنر و ادبیات، دوره ۷، شماره ۱، بهار و تابستان ۱۳۹۴، صص. ۶۳-۷۹.

[Afrāsiyābi, H., Mombeyni, S. Tahlil-e Jame»e-shenākhti-ye she»re «barf»-e Nimā bar asās-e ārā»eShari»ativabātekiyeh bar mafhum-e «gham» // *Majalle-ye Jāme»e-shenākhti-ye honarvaadabiyāt*. 2016. № 1. Pp. 63-79.]

2. Абдоллахи М. Число как символика культурного кода в Шахнаме и Нартовском эпосе осетин // Известия СОИГСИ. 2018. Вып. 29 (68). С. 152-161.

3. Пухова Л. Р. Некоторые этнографические параллели к осетинскому нартовскому эпосу // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 102. С. 259-262.

4. Дзицойты Ю. А. К осетинско-персидским фольклорным связям // *Nartamongæ*. 2017. № 1 (12). С. 234-67.

5. Гукова Л. Н., Трушицына Е. А. Концепт «времена года» в художественной картине мира А. С. Пушкина // Научно-теоретический журнал по языкознанию «Мова». 2014. № 21. С. 77-82.

6. Салашиник Т. В. Концепты времен года в религиозном и символическом аспектах (на материале русского и английского языков) // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. 2009. Т. 9. Вып. 2. С. 9-13.

7. جهانی، مجید. تحلیل اسطوره ای مخاطرات، مجله دانش مخاطرات، دوره ۲، شماره ۲، تابستان ۱۳۹۴، صص. ۱۹۱-۲۰۶.

[Jahāni M. Tahlil-e osture-ye mokhāṭerāt // *Dānesh-e mokhāṭerāt*. 2015. Iss. 2. Summer. Pp. 191-206.]

8. Осетинские нартовские сказания/пер. с осет. Ю. Лебединский. Владикавказ-Москва, 2010.

9. صدیقی، علی اصغر. فانتزی در شاهنامه، تهران: انتشارات ترفند، چاپ اول، ۱۳۸۵، ۲۴۰ ص. [Seddiqi A. A. Fāntezidar Shāhnāme. Tehrān, 2006.]

10. نامور مطلق، بهمن. درآمدی بر اسطوره شناسی، نظریه ها و کاربردها، تهران، سخن: ۱۳۹۲، ۶۷۶ ص.

[Nāmvar Moṭlaq B. Darāmadi bar ostureshenāsi, nazariyehāvākārbordhā. Tehrān, 2013.]

11. Зелинская Е. А. Мифы тюркских народов Сибири о небесных светилах // Ежемесячный научный журнал «Молодой Ученый». 2011. № 4 (27). С. 157-159.

12. Мохаммади З. И., Гамхар Л. Природные стихии в персидской и русской мифологиях // Ежемесячный научный журнал «Молодой Ученый». 2016. Т. 2. № 6 (110). С. 902-907.

13. Петров Н. В. «Выпадала порошу снега белого...»: «Зима» и «снег» в былинной традиции // Рябининские чтения: Материалы VII Конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера (Петрозаводск, 2015). Петрозаводск, 2015. С. 393-395.

14. رضادوست، علی اکبر. نگاهی به عناصر اسطوره ی جمشید بر اساس منطق مکالمه ی اساطیر، وبلاگ رضادوست ا، ۲۵ فروردین ۱۳۹۱. — دسترس الکترونیکی:

[Rezādust A. A. Negāhi be «anāser-e oštūre-ye Jamshid bar asās-e manteq-e mokāleme-ye asātir. 2019. URL: <http://rezadoosta.blogfa.com/post/31>]

15. نمادشناختی برف در اسطوره های ایران، سایت خبرگزاری تابناک، ۱۸ آبان ۱۳۹۰. — دسترس الکترونیکی

[Namādshenākhti-ye barfdarostūrehā-ye Irān: [site]. URL: <https://www.tabnak.ir/fa/news/202775>]

16. جلالی، فریناز. داستان هفت خوان اسفندیار، وبلاگ شاهنامه فردوسی، ۸ شهریور ۱۳۹۲ دسترس الکترونیکی:

[Jalāli F.: Dāstān-e haftkhan-e Esfandiār. 2013. URL: <https://ferdosi-toosi.blogspot.com/1392/06/08/post-104>]

Moradi, Maryam — Allameh Tabataba'i University (Tehran, Iran); m.moradi@atu.ac.ir
Levchyn, Irina D. — Taras Shevchenko National University of Kyiv (Kyiv, Ukraine); i.levchyn@knu.ua

THE SPECIFICS OF THE CONCEPT “WINTER” AS THE ELEMENT OF THE CONCEPT SPHERE “SEASONS” IN THE NARTS’ EPIC AND SHAHNAMEH BASED ON N. FRYE’S CLASSIFICATION.

Keywords: fiction, Ossetian Nart legends, Shahnameh, seasons, winter concept.

The article considers the Nart epic as the main mythical epic of Ossetian people — a myth filled with folkloric elements. The article shows that the Ossetian Nart epic, like all epic texts, is endowed with such elements and images as the glorified heroes, enemies of these heroes, hyperbolic fairy births, copper-bodied invulnerable heroes, hand-to-hand fighting, and such fairy-tale symbols as waigs, peri, etc. Among mythical motifs, similarities were found in some events of the Iranian epos «Shahname» Firdousi and the Ossetian Nart epos related to the snow motif. The hopeless situations of the heroes in the formidable snow as a result of Barman's witchcraft in the war with the Turanian army during the reign of Kei-Khosrov, described in Shahnameh, and the stories «The Nameless Son of Uryzmag», «The Battle of Uryzmag and One-eyed Uaig» and «Soslan and Sons of Tara» from Ossetian Nart epic were analyzed.

REFERENCES

1. Afrāsiyābi, H. Mombeyni, S. *Tahlil-e Jame»e-shenākhti-ye she»re «barf»-e Nimā bar asās-e ārā»eShari»ativabātekiyeh bar mafhum-e «gham»* [A Sociological Study of the Nima's Barf Poem Based on Shariati's Viewpoints by Focus on Sorrow]. *Majalle-ye Jāme»e-shenākhti-ye honarvaadabiyāt* [Social Sciences, Art and Literature Journal]. 2016, no. 1, pp. 63-79.

2. Abdollahi, M. *Chislo kak simvolika kul»turnogo koda v Shahname I Nartovskom epose osetin* [Number as a symbol of the cultural code in the Shahnameh and the Nart Ossetian epic]. *Izvestija SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2018, iss. 29 (68), pp. 152-161.

3. Pukhova, L. R. *Nekotorye etnograficheskie paralleli k osetinskomu nartovskomu eposu* [Some ethnographic parallels to the Ossetian Nart epic]. *Izvestiya Rossiiskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. A. I. Gercena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. 2009, iss. 102, pp. 259-262.

4. Dzitstsoity, Yu. A. *K osetinsko-persidskim folklornym svyazyam* [On the Ossetian-Persian folklore links]. *Nartamongæ* [Nartamongæ]. 2017, no. 1 (12), pp. 234-267.

5. Gukova, L. N., Trushitsyna, E. A. *Kontsept «vremena goda» v khudozhestvennoi kartine mira A. S. Pushkina* [A concept of «seasons» in the Pushkin's artistic picture of the world]. *Nauchno-teoreticheskii zhurnal po yazykoznaniyu «Mova»* [Scientific and theoretical journal on linguistics «Mova»]. 2014, no. 21, pp. 77-82.

6. Salashnik, T. V. *Kontsepty vremen goda v religioznom i simbolicheskom aspektakh (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov)* [Concepts of the seasons in religious and symbolic aspects (by the Russian and English languages)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filologiya, Zhurnalistika* [Journal of Saratov University. Philology & Journalism Series]. 2009, vol. 9, iss. 2, pp. 9-13.

7. Jahāni, M. *Tahlil-e osture-ye mokhāterāt* [Mythical Risk Analysis]. *Dānesh-e mokhāterāt* [Journal of Risk Knowledge]. 2015, iss. 2, Summer, pp. 191-206.

8. Lebedinsky, Yu. (transl.) *Osetinskie nartskie skazaniya* [Ossetian Nart legends]. Vladikavkaz — Moskow, Menedzher, 2010. 503 p.

9. Seddiqi, A. A. *Fāntezidar Shāhnāme* [Fantasy in Shahnameh]. Tehrān, Tarfand, 2006. 240 p.

10. Nāmvar Moḡlaq B. *Darāmadi bar ostureshenāsi, nazariyehāvākārbordhā* [An Introduction to Mythology. Theories and Practices]. Tehrān, Sokhan, 2013. 676 p.

11. Zelinskaya, E. A. *Mify tyurkskikh narodov Sibiri o nebesnykh svetilakh* [Myths of the Turkic peoples of Siberia about celestial bodies]. *Ezhemesyachnyi nauchnyi zhurnal «Molodoi Uchenyi»* [The monthly scientific journal «Young Scientist»]. 2011, iss. 4 (27), pp. 157-159.

12. Mohammadi, Z. I., Gamhar, L. *Prirodnye stikhii v persidskoi i russkoi mifologiyah* [Natural phenomena in Persian and Russian mythologies]. *Ezhemesyachnyi nauchnyi zhurnal «Molodoi Uchenyi»* [The monthly scientific journal «Young Scientist»]. 2016, vol. 2, iss. 6 (110), pp. 902-907.

13. Petrov, N. V. *«Vypadala porokhu snega belogo...»: «Zima» i «sneg» v bylinnoi traditsii* [«Winter» and «Snow» in the bylina tradition]. *Ryabininskie chteniya. Materialy VII Konferentsii po izucheniyu i aktualizatsii kulturnogo naslediya Russkogo Severa (Petrozavodsk, 2015)* [Ryabinin readings. Proceedings of the 7th Conference on the study and updating of the cultural heritage of the Russian North (Petrozavodsk, 2015)]. Petrozavodsk, 2015, pp. 393-395.

14. Rezādust, A. A. *Negāhi be «anāser-e osture-ye Jamshid bar asās-e manṭeq-e mokāleme-ye asātir* [A glimpse into the elements of Jamshid myth based on the logic of the mythological conversation]. 2019. URL: <http://rezadoosta.blogfa.com/post/31>

15. *Namādshenākhti-ye barfdarosturehā-ye Irān*: [site]. URL: <https://www.tabnak.ir/fa/news/202775>

16. Jalāli F. *Dāstān-e haftkhan-e Esfandiyār* [Isfandiar's Seven Labours Story. Shahnameh Ferdowsi Weblog]. 2013. URL: <https://ferdosi-toosi.blogspot.com/1392/06/08/post-104>.